

346 Черные дни итальянского искусства

Итальянские фашисты очень любят называть себя спасителями культуры. Но, спрашивается, от кого и от чего падо было спасать итальянское искусство?

Детей Италии заставляют хором распевать невинно-кровожадную песенку: «Наш брат — книжка, наш учитель — пулемет». Студенты учат историю по учебнику, в котором говорится: «Наиболее мудрым учреждением всех веков была инквизиция». Профессора медицины из всех сил стараются доказать, что «южно-романский, так называемый римский, череп по своей стройности и выпуклости почти не уступает северо-германскому». Музыкальные критики уверяют: «Верди для нас слишком сладок, это музыка для женщин». Фашист предпочитает симфонию оружейной канонады». Скорбь о падении театрального искусства, театроведы утешаются: «Наша эпоха знает только один театр — театр военных действий, одну только пьесу — войну, один пафос — пафос разрушения, одного режиссера — смерть». Художников учат: «На ватной палитре должны остаться две краски: красная для крови и черная для смерти».

Было провозглашено на весь мир: «Фашизм создал новую архитектуру». «Величие Рима, гармония средневековья, динамизм современности», — так определялись свойства этого нового архитектурного стиля. На проверку оказалось, что фашизм создал сразу два стиля. Один — раздражающий. Это не копия, а скорее пародия на барокко. Все претенциозно-пышное, все ничтожное, что характеризовало этот стиль в эпоху его вырождения, пленило фашистских архитекторов. Другой стиль — действительно оригинальный: до сих пор строители тюрем не претендовали

на высокое искусство. Это адания чрезвычайно грандиозные, лишённые пропорций. Это адания, мрачные и снаружи и внутри. Они больше всего похожи на склепы. Таков был павильон Италии на всемирной выставке в Брюсселе: бессмысленно вытянутое вверх адание черного цвета без окон. Увидев его, американский журналист сказал: «Если к этому крематорию привезти покойника, он выскочит из гроба и убежит».

Муссолини объявил, что он — друг художников. «Мы — дети Леонардо, Рафаэля и дуче», — заявили живописцы, жаждавшие казенной поддержки. Пренебрегая пристойностью, они писали: «Мы — Ромулы и Ремы нового искусства, дуче — волчица, которая вскармливает нас», и принадлежали к сосцам шакала. И вот творения шакальих выкормывшей отирались на выставку в Париж. Профашистская газета «Жур» дипломатически писала: «К сожалению, наши друзья выбрали не лучшее для этой выставки». Независимые критики выражались яснее: «На выставке поражают два обстоятельства: первое — беспомощность этой маэри; можно подумать, что итальянские художники никогда не видали ни классических, ни современных полотен и как дети накладывают краску за краской, чтобы посмотреть, что получится; и второе — унылая скука этой «бодрой и динамической» живописи; повидному, даже небо Италии, даже ее горы, поля и моря выцвели, потому что новые живописцы признают только серые и черные тона».

Лучшие певцы мира — Джилли и Вольпи, Руффо и Скиппи — поют в нью-йоркской «Метрополитен-опера». «Фашистские песни» — не для человеческого голоса», — сказал Джилли. И в «Скала», знаменитейшем оперном театре мира, не стало голосов.

Последний представитель поколения знаменитых трагиков, подлинный наследник Сальвини и Росси, старик Цаккони несколько десятков лет играл Освальда в «Привидениях» Ибсена. Фашисты пришли однажды за кулисы и предложили ему не закидывать головы, — этим жестом Цаккони передавал симптомы прогрессирующего паралича. «Так делает дуче», — сказали ему. И теперь драматического театра в Италии больше нет. Несколько плохеньких трупп, бедствуя, ездят по провинции со старым репертуаром.

Топча культуру дома, фашисты не щадят ее и в чужих странах. В Испании фашистские летчики уничтожили древнейший памятник — исторический город Гернику. Они снесли с лица земли знаменитые своей архитектурой и собраниями художественных ценностей дворцы графа Лара в Мадриде, «Ифантадо» в Гвадалахаре. «Вомбить старые дворцы интереснее, — откровенно признался один из вормленных сосцами дуче наследников Юлиа Цезаря, — они рушатся с обычным треском».

По настоячиюму требованию Гитлера Муссолини ввел в Италии «арийский параграф». Еще сотни интеллигентов, художников и ученых отправились в изгнание или оказались на улице. «Мозг нам не нужен, — сказал секретарь фашистской партии Фариначчи, — нам нужна только кровь, которая льется по славу фашизма».

Кровь итальянского народа действительно проливается с небывалой щедростью. Она лилась на островах Липари, куда отправляли антифашистов. Она лилась на улицах Рима, в пустынях Абиссинии, на

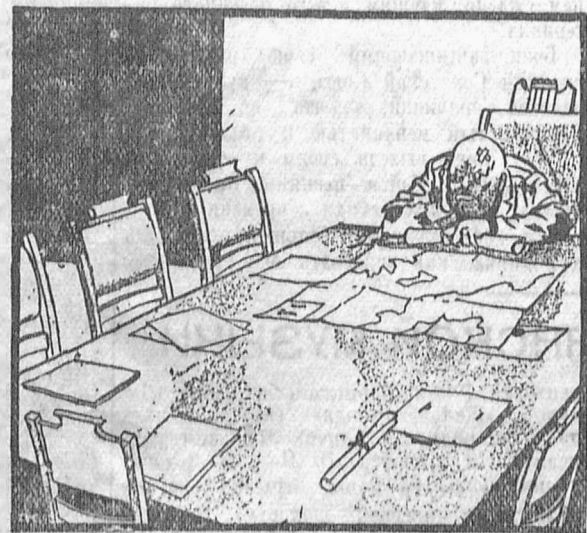
полях Гвадалахары, в горах Албании. На жизнерадостный итальянский народ напал смирительную черную рубашку. В этой рубашке щеголяет и фашистское искусство. Это цвет смерти и траура.

Ни одной песни не оставит по себе этот режим, кроме гнусного воя: «Наш учитель — пулемет». Ни одной картины, кроме жалкой маэри. Ни одного памятника архитектуры, кроме могил. Ни одной книги, кроме сборников истерических речей Муссолини.

А народ Италии, единственный подлинный наследник своего великого прошлого, народ, который так любили Гоголь, Герцен и Горький, народ Леонардо и Верди, Данте и Гарибальди, когда минет кровавое гнусное господство Муссолини, снова создаст прекрасные книги и картины, снова рассмеется и скажет:

— Муссолини? Но он никогда не был итальянцем! Разве шакалы в горах Калабрии — итальянцы?

О. САВИЧ

ПОЕИНЫЙ СОВЕТ МУССОЛИНИ
Карикатура из лондонской газеты «Daily Mirror».